А. АНАТОЛЬЕВ

КОРМЧИЙ ОКТЯБРЯ

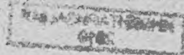

КОРМЧИЙ

ОКТЯБРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОЛЕТАРИЙ“

КОРМЧИЙ ОКТЯБРЯ

О ЛЕНИНЕ в ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ.

Составил П. АНАТОЛЬЕВ.

Под редакцией
Н. Н. ПОПОВА.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ"
1925

Типо-Цинкография
Кооперативного Издательства
„ПРОЛЕТАРИЙ"

Зак. № 317 Тир. 10.000

Октябрьская революция, — поскольку и в революции не только можно, но и должно говорить о роли личности, — Октябрьская революция и роль в ней нашей партии есть на девять десятых дело рук тов. Ленина.

Если кто-либо смог заставить колеблющихся встать в ряды и шеренгу, — это был тов. Ленин.

Г. Зиновьев.

На подступах.

Перед Октябрем.

Период перед Октябрьским переворотом, когда миллионы рабочих, крестьян и солдат, подгоняемые кризисом в тылу и на фронте, требовали мира и свободы;

Когда генералитет и буржуазия подготовляли военную диктатуру в интересах „войны до конца“;

Когда все, так называемое, общественное мнение, все, так называемые, социалистические партии стояли против большевиков, называя их немецкими шпионами;

Когда Керенский пытался загнать в подполье и отчасти уже успел загнать партию большевиков;

Когда все еще могучие дисциплинированные армии австро-германской коалиции стояли против наших усталых и разлагающихся армий, а западно-европейские „социалисты“ благополучно пребывали в блоке со своими правительствами в интересах „войны до полной победы“;—

Что значило поднять восстание в такой обстановке? Это значит поставить все на карту. Но тов. Ленин не боялся рискнуть, ибо он знал, видел своим ясновидящим взором, что восстание неизбежно, что восстание в России всколыхнет измученные массы Запада, что восстание в России превратит войну империалистическую в войну гражданскую, что восстание даст Республику Советов, что Республика Советов послужит оплотом революционного движения во всем мире.

Известно, что это революционное предвидение т. Ленина сбылось впоследствии с невиданной точностью.

И. Сталин.

Борьба за войско.

... Никто так четко не формулировал нашу задачу идейной борьбы за войско, как тов. Ленин...

В 1917 г. мы в полной мере учли этот урок.

Никто так не поставил пропаганду в войсках, как большевики, и мы понимали, что надо суметь организовать и физическую борьбу за войско. Неоднократно в нашей борьбе мы приходили к выводу, что без поражения 1905 года не могло бы быть и победы 1917 г. Одним из уроков этого поражения первой революции тов. Ленин считал доказанную опытом необходимость „отчаянно-смелого, бесповоротно-решительного" наступления.

И во многих статьях и речах своих т. Ленин возвращался в те дни к этому вопросу и учил нас этому искусству восстания. Он сосредоточивал наше внимание на изучении тактики и организации сил для восстания, не ограничиваясь простым переживанием таких истин, как та, что военная тактика зависит от уровня военной техники. Он изучал—какая же тактика массовой борьбы должна быть теперь, при данной военной технике, при данных условиях уличного боя.

Ем. Ярославский.

Ленинский глазомер.

...Как в июле 1917 года тов. Ленин твердо и решительно заявил: власть брать сейчас нельзя,—так после корниловских дней, особенно с конца сентября 1917 г., Ленин начинает торопить рабочих: скорее берите власть, не то будет поздно.

Когда после корниловских дней в Петрограде собиралось, так называемое, „Демократическое Совещание", Ленин сначала выступает со статьей „О компромиссах". В последний раз он предлагает меньшевикам и эсэрам порвать с буржуазией, отказаться от предательской политики и пойти на компромисс с рабочим классом против корниловцев. Но меньшевизм и эсэровство сгнили в сердцевине своей. Они уже продали душу чорту. Они не могли уже принять предложение Ленина.

Убедившись в этом, Ленин из своего финляндского изгнания пишет письмо Центральному Комитету нашей партии, и в этом письме говорит: довольно тянуть канитель, надо окружить Александринку („Демократическое Совещание" заседало в Александринском театре) разогнать всю шваль и взять в свои руки власть.

Наш ЦК, не согласился тогда с тов. Лениным. Почти всем нам казалось, что еще рано, что меньшевики и эсэры

имеют еще довольно много сторонников. Тогда Ленин, не долго думая, бросает свое убежище и „самочинно“, не считаясь с опасениями друзей, приезжает из Финляндии в Питер, чтобы проповедывать немедленно восстание. Керенский и Авксентьев пишут приказы за приказами об аресте Ленина. А Ленин из подполья готовит восстание, убеждает сомневающихся, бичует колеблющихся, пишет и агитирует за самое скорое выступление. И добивается своего.

Теперь-то уже каждому ясно: тов. Ленин был прав. Дело висело тогда на волоске. Не возьми мы власть в октябре, нас раздавили бы Савинков и Пальчинский в ноябре. История поставила вопрос недвусмысленно: либо они нас, либо мы их, либо диктатура, обезумевшей от страха и остервеневшей от ненависти к рабочим, буржуазии, либо диктатура пролетариата, беспощадно сметающего буржуазию.

Теперь все это ясно. Но тогда в водовороте событий нужен был ленинский глазомер, нужна была ленинская гениальная интуиция, чтобы сказать: ни одной недели больше. Сейчас или никогда. И нужна была несгибаемая ленинская сила воли, чтобы победить все препятствия и начать, как раз к сроку, величайший из переворотов, которые знает история.

...Теперь ясно как дважды два четыре, что если бы рабочий класс под руководством тов. Ленина не взял в то время власть в свои руки, то через несколько недель мы имели бы диктатуру самой остервенелой буржуазной сволочи. Теперь известно, что к моменту Учредительного Собрания решено было вырезать нас, и, если бы у господ генералов было больше солдат, они бы это сделали. Даже после 25 октября правые эсэры к моменту учредилки хотели нас вырезать. Правый эсэр Маслов вербовал для этого солдат. Но он, по его недавнему собственному признанию, набрал всего пять тысяч, да и то сомнительных бойцов. Руки оказались коротки.

Тов. Ленин учел момент превосходно. Он не хотел тянуть дальше ни одной недели и он сумел поставить вопрос ребром. Открыто за своей подписью в легальной газете он пишет статью за статьей, прямо призывая к вооруженному восстанию и прямо назначая его завтра или послезавтра. И все это тов. Ленин делает тогда, когда Керенский стоит еще у власти,

и многим кажется, что он еще силен. Ленин бросает вызов всей буржуазии и всем соглашателям и говорит им: завтра мы скинем вашу власть. И всякий знает: в устах Ленина это не пустая угроза. За словами последует дело... И это дело мог сделать только Ленин...

...Таким образом, начиная с 1900-х годов, когда он работал в маленьких кружках, печатая на гектографе листовки о кипятке, тов. Ленин привел постепенно рабочий класс к 7-му ноября, к Октябрьской революции, к тому моменту, когда он от имени пролетариата, при величайшем энтузиазме II С'езда Советов и при неслыханном воодушевлении многомиллионной массы рабочих, крестьян и солдат, писал уже не о горячей воде на фабриках, а составлял всемирно известный документ—декрет о земле и мире, за которым последовал целый ряд других, ставших скрижалями всех трудящихся.

Роль тов. Ленина, начиная с Октября, достаточно известна, и останавливаться на ней нет надобности. Он был в те дни мозгом рабоче-крестьянской России, ее пламенным сердцем и твердой, надежной рукой. С Октября тов. Ленин превращается из подпольного работника в первого в России и во всем мире государственного деятеля. Но эта метаморфоза нисколько не меняет его, как человека. Он продолжает, как и раньше, ту же самую работу и, как истинный и старый революционер, жизнь которого принадлежит рабочему классу, он живет и теперь в тех же скромных условиях, как и тогда, когда он был руководителем небольшой группы рабочих.

Когда на II С'езде Советов власть перешла в руки нашей партии, мы тотчас же приняли земельную программу, основанную на наказах крестьян. И в этом деле тов. Ленину принадлежит большая заслуга потому, что, умея, как никто другой, проникать в глубину крестьянской души, он сумел занять в аграрном вопросе позицию, быстро приблизившую нас к деревне. Эсэры говорили, что тов. Ленин их обокрал, взяв у них их земельную программу. Но он, в ответ на это, возражал: „вся разница тут в том, что вы эсэры, эту программу только изобразили на бумаге, а на деле вы и ваш министр Авксентьев расстреливали крестьянские комитеты. Мы же эту программу, составленную нами, рабочим классом, совместно с хлебопашцами, взяли для того, чтобы претворить ее в жизнь, а не для того, чтобы махать ею перед носом

крестьян и кормить их завтраками об Учредительном Собрании. Эта программа—наш взаимный договор с крестьянством, и мы выполним его до конца.

Г. Зиновьев.

Лаборатория революционной мысли.

От июльских дней и до конца сентября 1917 г. все более и более накоплялись симптомы полевения масс. Это выразилось уже накануне Корниловского восстания в усилении левого крыла в эсэровской и меньшевистской партиях, где это крыло к тому времени составляло уже 40% всех членов. Это выразилось в переходе обоих столичных Советов на сторону большевиков. Это выразилось в том, что в Советской курии Демократического Совещания за коалицию было подано лишь 180 голосов, а против 262.

Учитывая этот рост революционного настроения в массах, это сильное полевение масс, учитывая, с другой стороны, что дальнейшее сохранение власти в руках Временного Правительства грозит потерей Петрограда, грозит этой красной столице сдачей немцам и соглашением между Англией и Германией для совместного удушения русской революции,—Ленин дал лозунг немедленного восстания против Временного Правительства еще до созыва II С'езда Советов. Этот лозунг показался слишком рискованным даже для многих большевиков, но Ленин был настойчив и в массах его лозунг нашел живейший отклик. Восстание было поэтому проведено с успехом при слабом сопротивлении Правительства, и в истории русского, равно как и в истории мирового пролетарского движения, открылась новая блестящая страница...

Владимир Ильич в короткое время стал выразителем единственного в мире массового революционного движения и привел рабочих, крестьян и армию к Октябрьской победе.

Нужны были его сердце, его чутье массы, чтобы впитать в себя, чтобы почти физически ощущать те сдвиги, которые происходили в глубинах сознания народа, и нужны были громадное образование, гениальный ум и полное обладание теорией марксизма, чтобы оформить это движение в организованное движение рабочих и крестьян против буржуазного строя за социализм. Между Владимиром Ильичем

и революционными массами установилось настолько близкое единство, что отделить их друг от друга невозможно. В. И. был лабораторией революционной мысли для миллионов восставших рабочих и крестьян, он был гениальной головой, которой были поняты как самые интимные мысли рабочих и крестьян, так и самые высокие вершины научных знаний.

А. И. Рыков.

В красном подполье.

...„Идемте, Ильич вас хочет видеть. Не задерживайтесь“...

Я вышел следом за торопившими меня т.т. Невским и Подвойским.

В белесых сумерках осеннего вечера автомобиль наш долго крутился разными закоулками, наконец, остановился на одной из уличек Выборгской стороны... Мы прошли еще пару переулков, внимательно присматриваясь, не следят ли за нами. Наконец, вполне убедившись в отсутствии слежки, гуськом проскользнули в ворота одного из неказистых домов.

На условный стук нам сразу открыли. Хозяин квартиры, приземистый пожилой рабочий, легко признал моих спутников.

— Входите, Ильич сейчас будет...

Ждали недолго.

Ну, кто б его узнал нашего любимого, до малейших, кажется, морщинок знакомого, товарища—вождя! Перед нами стоял седенький, под очками, довольно бодренький старичок добродушного вида: не то учитель, не то музыкант, а может быть букинист.

„Ильич“ снял парик, очки и искрящимся обычным юмором взглядом сразу окинул нас.

— Ну, что нового?

Новости наши не согласовались. Подвойский выражал сомнения. Невский то вторил ему, то впадал в уверенный тон Ильича. Я рассказал о положении в Финляндии. Моряки с крупных судов настроены весьма революционно, часть пехоты тоже, но команды некоторых миноносцев и подлодок мало надежны, свеаборгские артиллеристы все еще в плену у соглашателей. Казаки-кубанцы внушают опасения, но выборгский гарнизон берется не выпускать их из Финляндии.

„Ильич“ перебивает:—Нельзя направить весь флот к Питеру?

— Нет, прежде всего, фарватер не допустит, потом крупные суда побаиваются подлодок и миноносцев. Наконец, оголить фронт матросы не захотят.

— Но должны же они понимать, что революция в большей опасности в Питере, чем на Балтике.

— Не очень понимают.

— Что же можно сделать?

— Можно дать два—три миноносца в Неву, прислать сборный отряд матросов и выборжцев. Всего тысячи три.

— Мало,—недовольно и укоризненно говорит „Ильич".

И я чувствую будто вину свою, что так мало могу обещать.

— Ну, а северный фронт?

— По докладу его представителей там прекрасное настроение и можно ждать оттуда большой помощи против частей, двинутых с других фронтов... Но чтоб знать точно, надо бы туда с'ездить.

— С'ездите. Нельзя медлить.

Уверенность и твердость „Ильича" укрепляюще действуют на меня, подбадривают т. Невского. Но т. Подвойский упрямствует в своих сомнениях (эти сомнения, конечно, не помешали ему развить колоссальную энергию и решимость в исторические дни).

...Осторожно выходили мы на улицу. У самых ворот вдруг наткнулись на высокую фигуру, прилаживавшуюся влезть на велосипед.

„Неужели шпик?" Только сегодня в газетах было заявление Временного Правительства, что напали на след Ленина и Зиновьева, что арест „большевистских вождей" неминуем.

Тов. Невский повернул опять в дом предупредить. Я, сжимая револьвер, прошел за угол. Подвойский остановился на другом углу.

Велосипедист тронулся.

Через пару минут „Ильич" вновь неузнаваем и переправился в другое логово.

Мы успокоенно зашагали к автомобилю.

„В Октябрьские дни". *В. Антонов-Овсеенко.*

Живые факты жизни.

Войдя в комнату (квартиры ныне покойного Мити Павлова), мы прямо ахнули: перед нами был совершенно чужой человек, а не наш обычный Владимир Ильич, так искусно изменил он свою наружность.

После радостной встречи началась беседа.

Мне не хочется рисовать Владимира Ильича каким-то богом или бесплотным духом, но я должен сказать, что в его словах звучала железная логика марксистского метода, непоколебимая твердость и энергия тех масс, интересы которых он выражал и отражал, а именно потому, что в его голове претворились и сконцентрировались эти желания и мысли десятков миллионов трудящихся масс, а его сердце билось, как сердце этих десятков миллионов человек, именно потому, что он, центр, впитал в себя и страстное желание этих масс победить, как и несокрушимую энергию преодолеть все, и суровую решимость не бояться жертв во имя же интересов трудящихся, и великий разум великого народа, именно поэтому он был, как всегда, и вождем этих масс, и слова его были не просто слова, а живые факты жизни.

А факты убеждают лучше всего.

В. О. Невский.

Рука истории.

Это было 10 октября 1917 г.

Из Центрального Комитета партии большевиков вызвали на экстренное заседание. Адрес заседания сообщен был конспиративно. И время необычное—поздно вечером, после 10-ти.

Место заседания ЦК где-то в конце Петр. стороны. Трамваи переполнены. Извозчики—не по карману. Нет конца Каменноостровскому. Свернули. Пошли незнакомые улицы. Большие новые дома. Странно тихо, безлюдно. Будто притаился революционный город. Выжидает. Накапливает силы для нового натиска, взрыва. Гулко звучат мерные солдатские шаги. Смутно вырисовываются серые шинели. Идут рассыпанными кучками, переговариваются.

— Нашел дураков за империалистов умирать! Дарданеллов захотел!... Тоже „главнокомандующий"...

— Большевик! Помалкивай, а то морду набью!

В ответ дружная угроза „соглашателю-предателю“.

Мимо проплыли тени. Замолкли шаги.

Впереди двое рабочих. Беседуют тихо, вдумчиво, долетают слова; социал-предатели, Либер—Дан, „правы большевики, без власти советов—не быть конца войны“. Все о том же, все о наболевшем: войне и соглашательстве, власти советов и мире. Война раздражает, от войны устали. Война—чужая, ненужная народу, ненавистный кровавый кошмар.

Навстречу девушки, в платочках, работницы.

— Какой же Ленин немецкий шпион„ если он против соглашателей? Ты бы раньше послушала, что в Модерне вчера говорили...

И женщины с нами!

Широко же разлился „большевизм“! Теперь уже не удержать революционной волны, вот-вот захлестнет соглашателей!

С трудом отыскиваю конспиративное собрание ЦК. Квартирка литератора. Не нашего толка, „сочувствующего“ [1]).

Заседание уже началось. Обычное ЦК, двое приезжих из Москвы, кто-то незнакомый на диване, в глубине комнаты, рядом с тов. Каменевым. Приглядываюсь: тов. Зиновьев; оброс бородой, стриженный, сразу не признать.

А это кто за столом? Вл. Ил.! Давно не был на наших заседаниях. Как, и сейчас-то ищейки Керенского не отыскали следов?

Заседание страстно напряженное. Вопрос о курсе на в. в., т.-е. на вооруженное восстание, поставлен ребром. Приезжий из Гельсингфорса товарищ рисует картину под‘ема настроения матросско-солдатских масс северной области. Флот рвется в бой, грозный Центробалт [2]), ненавистный всему Временному Правительству, с „упрямым хохлом“ Дыбенко во главе, весь наготове встать решительно и бесповоротно на защиту лозунга „вся власть советам“. Флот требует решительного ответа ЦК. Медлить—значит упустить момент. Технически все предусмотрено, подготовлено. Ждут лишь директив центра, чтобы действовать в определенном направлении.

Делегата и Гельсингфорса горячо поддерживают москвичи, тов. Троцкий.

---

[1]) Заседание ЦК, на котором здесь указывает тов. Коллонтай, происходило на квартире Суханова—меньшевика-интернационалиста, автора записок о русской революции.

[2]) Исполнительный комитет моряков Балтийского флота.

Можно ли держать курс „на в. в.“? Не преждевременно ли? Все ли предусмотрено, взвешено? Кто с нами? Достаточна ли спайка масс? Не сильнее ли противник, чем мы думаем? Не было бы ущерба для революции при нашей неудаче?... Но что-то толкает вперед, неудержимо, слепо вперед... Рука истории руководит сегодняшним заседанием ЦК.

Слово берет тов. Ленин. У него голова трезва. Он все взвешивает, парирует все доводы колеблющихся товарищей и приходит к выводу, что надо взять решительный курс на вторую революцию...

...Заседание закрыто. Ночь на исходе. Напряжение сразу падает, ощущается голод. Несут горячий самовар, набрасываются на сыр и колбасу... Еще спорят, но уже среди шуток и дружеского подтрунивания.

...Историческое заседание позади, но решению, принятому на нем, суждено перевернуть судьбы мира.

А. Коллонтай.

Курс на восстание.

Мы приехали в Питер в самый день 10 октября, и здесь тов. Свердлов сказал нам, что пленум созван для разрешения одного единственного вопроса: держит ли партия курс на восстание в ближайшее время? Сказал он нам также, что на заседание приедет и Владимир Ильич, конспиративно приехавший из Финляндии. Собрание это происходило в квартире Суханова-Гиммера, жена которого Галина Константиновна работала в П.К. Нужно сказать, что на заседание мы собирались очень не конспиративно, хотя и знали все, что на квартиру придет Владимир Ильич. Мы с Ломовым пошли вместе со Свердловым. По дороге где-то встретили т.т. Дзержинского и Троцкого, а так как было еще рано, то вместе зашли в какое-то кафе и только у самого дома мы разделились на маленькие группки.

Владимир Ильич пришел, когда все уже были в сборе, и появился в совершенно неузнаваемом виде: бритый, в парике, он напоминал лютеранского пастыря.

Перечислю всех, кто по моим воспоминаниям присутствовал. Это были, кроме уже упомянутых: Каменев, Зиновьев, Сокольников, Коллонтай, Бубнов. Всего таким образом—10 член. ЦК. Я была одиннадцатая. Я твердо помню, что Бухарина не было.

Но были ли Ногин и Милютин, я определенно сказать не могу. Мне было поручено вести секретарские записи. Но они были, по конспиративным соображениям, очень кратки. Тотчас же по приходе Владира Ильича открылось заседание. Владимир Ильич кратко сообщил тему и дал постановку вопроса и затем предложил заслушать доклад секретаря ЦК о тех сведениях, которые имеются в ЦК, о настроении масс и положении дел на местах.

В. Яковлева.

„Подготовка окт. восстания".

Подготовка восстания.

Не ранее 8 октября я получил секретное приглашение на нелегальное собрание, на которое созывался узкий круг партийных работников, находившихся в то время в Питере. Мне было известно, что на собрание придет скрывавшийся тогда тов. Ленин. О порядке дня этого собрания существовали только предположения, но ничего достоверного никто из передававших мне приглашение не знал.

Темным октябрьским вечером направился я в знакомое мне „Лесное", приняв меры предосторожностей, нашел назначенное место сбора. Пройдя передаточный пункт, организованный по всем правилам конспирации, я направился в сопровождении кого-то из товарищей в здание районной Лесновской Думы. Помещение было погружено в темноту, народу еще было мало.

Кто-то из членов этой Думы, возможно, что М. И. Калинин, познакомил меня с помещением. Через небольшой промежуток времени собралось, кажется, в двух комнатах, соединенных дверью, десятка два или два с половиной партийных работников. Пришли В. И. Ленин, Г. Зиновьев. Стульев было мало, свет, кажется, был умышленно ограничен, и пришедшие расположились в большинстве вповалку, прямо на полу.

С докладом выступил В. И. Ленин. Не помню деталей его доклада, но основным пунктом был вопрос о подготовке восстания. Дело организации этого восстания ложилось на нашу партию. По докладу были прения, были и просто информационные сообщения.

Шляпников.

„К Октябрю".

Мировое событие.

...Октябрьская Революция—поскольку и в революции не только можно, но и должно говорить о роли личности—Октябрьская революция и роль в ней нашей партии есть на девять десятых дело рук тов. Ленина. Если кто-либо смог заставить колеблющихся встать в ряды и шеренгу—это был т. Ленин.

...И в центре клокочущих революционных и контр-революционных страстей стоит Владимир Ильич.

Нечего и говорить о том, что еще больше была его роль в великие Октябрьские дни 1917 года, положившие рубеж новой эпохе не только для нашей страны, но и для всего человечества. Появление Владимира Ильича после долгой нелегальной жизни на первом после Октябрьской революции заседании Петроградского совета стало мировым событием. Я не знаю в истории борющегося человечества другого мига, столь насыщенного содержанием, столь много предопределившего как тот миг, когда Владимир Ильич появился на этом заседании через полчаса после взятия Зимнего Дворца, перед собранием боготворивших его тогда—справедливо боготворивших—петроградских рабочих.

„Ленин“. *Г. Зиновьев.*

Канун штурма.

„Штурм неба“.

...Дерзкое это было дело—Октябрьский переворот. Это была воистину безумно-храбрая попытка штурмовать небо. Не то было страшно, что затрещат вдруг пулеметы, заговорят пушки—и на улицах Петербурга и других городов прольется кровь. Мало ли было кроваво-революционных страниц в жизни народов, да и сам Ильич не мог еще забыть дней боевого крещения пролетариата 12 лет тому назад в Питере, Москве, Одессе и других центрах рабочего движения в России. Но что действительно могло смутить даже самого решительного из большевиков, так это прыжок в неизвестное. Еще в истории не было, ведь, такого примера социальной революции в огромной стране, да еще при этом на 80% крестьянской, вдобавок ко всему прочему—ограбленнной, обнищалой, отброшенной во время войны на несколько десятилетий назад. Выдержит ли она после переворота.

...Нет, не выдержим... кишка тонка... Не нужно было и затевать...опуская глаза в землю, мрачно ворчали некоторые из окружающих Ильича пессимистов.

— Или теперь, или никогда,—твердо отвечал на это Ильич.

Он „бешено“ рвал и метал, наталкиваясь в кругу близких товарищей на голоса колеблющихся и склонных к отступлению. Он как бы в пророческом экстазе решительно утверждал: народная стихия за нас, и если мы не сдрейфим, то победим, возьмем власть в свои руки и затем, идя шаг за шагом, преодолеем все препятствия, лежащие у нас на пути.

И он дал знак пролетариату—„штурмовать небо“.

И победил.

П. Лепешинский.

„Жизн. путь Ильича“.

К строительству социалистического порядка.

Было только сорок минут девятого, когда гром аплодисментов возвестил появление Президиума с Лениным—великим Лениным—среди членов его.

Невысокая, плотная фигура с большой лысой и выпуклой головой, посаженной низко на его плечах, небольшие глаза, нос „картошкой", широкий благородный рот и тяжелый подбородок; начисто выбритая, но уже начинающая щетиниться, хорошо памятная борода его недавнего прошлого и его будущего. Одет в небрежный костюм с широкими длинными брюками. Не производящий такого впечатления, что он может быть кумиром толпы,—любимым и почитаемым так, как, быть может, мало кто в истории был любим и почитаем,—таков этот странный народный вождь,—вождь исключительно силою своего интеллекта, не умеющий вступать в соглашения, об'ективный, без каких бы то ни было живописных идиосинкразий [1]), но с огромной способностью в простых выражениях об'яснять глубокие идеи и анализировать конкретные ситуации, а также наделенный, в соединении с большим даром тонкого дипломатничания, огромной интеллектуальной смелостью.

Каменев читал отчет о действиях *Военно-революционного комитета*....

Затем выступил представитель Бунда....

Собрание отвечало ему криками....

Затем выступил представитель меньшевиков-интернационалистов, приветствуемый криками:

— Что! Вы еще здесь?....

За ним выступали другие ораторы,—видимо, без всякого порядка. Делегат от горнорабочих Донецкого бассейна приглашал С'езд принять меры против Каледина, который мог отрезать уголь и продовольственные припасы от столицы. Много солдат, только что прибывших с фронта, доводили до сведения С'езда полные энтузиазма приветствия от своих полков.

А затем выступил Ленин. Крепко держась за края пюпитра и своими небольшими глазами осматривая толпу, он стоял здесь в ожидании, не обращая, очевидно, внимания на непрекращающуюся овацию, длившуюся много минут. Когда овация закончилась, он просто сказал:

---

[1]) Свойство реагировать на известное впечатление необычайным образом.

— Мы теперь приступаем к строительству социалистического порядка.

И фразу эту опять приветствовал нечеловеческий рев.

— В первую голову должны быть приняты практические меры по заключению мира... Мы должны предложить мир народам всех воюющих стран на основании советских условий без аннексий, без контрибуций, с правом самоопределения народов. В то же самое время, согласно нашим обещаниям, мы должны опубликовать и отказаться соблюдать тайные договоры... Вопрос о войне и мире так ясен, что, я полагаю, можно без дальнейших предисловий прочитать проект прокламации к народам всех воюющих стран.

Его большой рот, казавшийся улыбающимся, широко открывался, когда он говорил. В его голосе была сиплость,— не неприятная, но как будто от многолетней ораторской практики,—и он звучал так ровно, что создавалось впечатление—будто он мог звучать без конца... Чтобы подчеркнуть фразу, он слегка склонялся вперед. Он никогда не пускал в ход жестикуляцию.

А перед ним, обращенные к нему, тысячи простых лиц глядели вверх с любовью и преклонением.

Джон Рид.

„Смело вперед".

На гребне поднимающейся волны.

... Когда гром аплодисментов стих, Ленин снова заговорил:

— Мы предлагаем С'езду ратифицировать эту декларацию. Мы обращаемся сами к правительствам в той же мере, как к народам, ибо переговоры, которые были бы адресованы только к народам воюющих стран, могли бы задержать заключение мира.....

....Революция 24 и 25-го октября открыла эру социальной революции.... Рабочее движение, во имя мира и социализма, победит и выполнит свое назначение...

Во всем этом было что-то спокойное и манящее, что глубоко западало в душу людей. Легко было понять, почему люди верили, когда Ленин говорил?

Открытым голосованием быстро было решено, что только представители политических партий будут говорить по предложениям и что время ораторов будет ограничено 15 минутами.

Первым выступил Карелин от левых социалистов-революционеров.

— Наша фракция не имеет возможности предложить поправку к тексту обращения,—этот частный документ большевиков, но мы будем вотировать за него, потому что мы согласны с духом его.

От имени социал-демократов-интернационалистов выступил Крамаров,—высокий, сутуловатый, близорукий человек...

Затем один за другим выступали украинские социал-демократы, литовские социал-демократы, народные социалисты, польские социал-демократы, польские социалисты, но с оговоркой в пользу социалистической коалиции, латышские социал-демократы.... Что-то было пробуждено в этих людях. Один из них говорил о грядущей мировой революции, авангардом которой являемся мы, другой говорил о новом веке братства, когда все народы станут одной большой семьей.

Один из участников С'езда от своего собственного имени потребовал слова.

— Есть здесь какое-то противоречие. Сначала вы предлагаете мир без аннексий и контрибуций, затем вы говорите, что вы обсудите все предложения мира. Обсудить—значит принять...

Ленин моментально оказался на ногах:

— Мы желаем справедливого мира, но мы не боимся революционной войны. Вероятнее всего—империалистические правительства не ответят на наше воззвание, но мы не пошлем ультиматум, на который легко будет сказать нет... Если германский пролетариат ясно представит себе, что мы готовы обсудить все мирные предложения, это будет вероятнее всего последней каплей, переполняющей чашу,—революция вспыхнет в Германии. Мы согласны рассмотреть все мирные условия, но это вовсе не означает, что мы примем их... За некоторые из наших условий мы будем бороться до конца. Но, быть может, из-за других мы не найдем возможным продолжать войну. Прежде всего мы желаем покончить с войной.

Было ровно 20 минут одиннадцатого, когда Каменев предложил всем, высказавшимся за обращение, поднять свои карточки. Один делегат поднял было свою руку против, но внезапно резкие взрывы негодования вокруг него заставили и его быстро опустить руку. Принято единогласно.

Джон Рид.

„Смело вперед".

Учет обстановки—выработка плана.

Характерным для Ильича и поучительным для нас всех было то, что решение вопросов, выработка плана действий и тому подобное вытекали из учета обстановки, сил и взвешивания факторов как содействующих, так и противодействующих намеченному делу. Гений Ильича охватывал и систематизировал не только опыт пройденного, но предвидел перспективы, особенно полно учитывая тенденции широких масс трудящихся.

Все мы знали, что партия идет к мобилизации пролетарских сил для вооруженного восстания, но указания Ильича в части тактических выступлений заставляли всех этот путь чувствовать в своей повседнейной работе и обобщать такие же чувства рабочих и крестьян (бывших тогда в значительном числе в армии).

26 октября 1917 года, когда Ильич еще в пылу боя занимался вопросом захвата экономических органов, он основным вопросом поставил учет сил, способных эту задачу выполнить. На совещании с группой работников профсоюзов и центрального совета фабрично-заводских комитетов (т. т. Глебов, Шмидт, Амосов) в одной из комнат Смольного он прямо спросил: „чем мы сейчас располагаем (в отношении людского состава) в ЦСФЗК (Центр. Совете фабр.-заводск. комитетов) и какие учреждения нужно захватить в первую очередь“. Силы были распределены, двинуты на важнейшие пункты, и этим обеспечено удовлетворение неотложных нужд промышленности.

В. Чубарь.

„Памяти Ленина“.

Работницы у Ленина.

Поздно ночью, выбранная конференцией, делегация направилась в Смольный.

Темная осенняя ночь. Костры, разведенные вокруг Смольного, освещающие многочисленные патрули, произвели на нас сильное впечатление. Ряд темных коридоров, и мы, наконец, в комнате, отделяющей нас от заседания Петроградского Совета. Каменев и Зиновьев были заняты на заседании. Нас повели в другую комнату, и мы увидели Ленина и Троцкого. Лицо Ленина было очень утомленное, на нем отражались

следы ряда бессонных ночей. Взгляд Владимира Ильича как будто спрашивал нас: для чего вы пришли? наше время нам так дорого?

Когда тов. Николаева своим звучным и внушительным голосом заявила: „Мы пришли приветствовать вас от имени 80-ти тысяч петроградских работниц; мы всецело поддерживаем вашу политику в вопросе об организации власти и мы порицаем тех товарищей, которые внесли раскол в такую трудную минуту“, — то бледное лицо Владимира Ильича озарилось улыбкой, как солнечным лучем.

Я не могу восстановить в памяти, что отвечали нашей делегации Ленин и Троцкий; помню, что Ленин был краток, а Троцкий сказал длинную и красивую речь. Надо, чтобы питерские работницы восстановили в своей памяти этот момент и сказанные нашим вождем слова.

Л. Сталь.

„Работница в Октябре“.

Просто Ленин.

В Смольном еще сохранились живые реликвии Октября 1917 года — две ленинские машинистки, — 24 и 25 Октября писали они обе на машинках под диктовку Ленина,—Васса Ивановна Екимова и Екатерина Григорьевна Королева.

— Ну, а как же тогда было? Как вы писали?

— Да, как вам сказать... Никак не было... Ну, просто так... писали...

...Ну, а Ленину—ничего. Он сидит себе за столиком, бумажку читает. Пальцем уши заткнул—читает. А прочел—писать принялся. И так, это, быстро—пишет, пишет... А вот Луначарский к нам выходит—диктует.

Ну, скажите, а Ленин-то тогда какой был.

— „Какой Ленин“. Да никакой... Просто Ленин...

Моя собеседница не понимает, что этим она дает самую краткую и самую яркую характеристику Ленина.

— Просто Ленин.

Вот, именно — просто. Просто, естественно, скромно— Большой Человек Ленин.

А. Меньшой.

Лоцман за рулевым колесом.

Первое назначение Совета Народных Комиссаров. Это совершалось в какой-то комнатушке Смольного, где стулья были заброшены пальто и шапками и где все теснились вокруг плохо освещенного стола руководителей обновленной России.

Мне казалось, что выбор часто слишком случаен, я все боялся слишком большого несоответствия между гигантскими задачами и выбирающимися людьми, которых я хорошо знал и которые казались мне еще не подготовленными для той или другой специальности.

Ленин досадно отмахивался от меня и в то же время с улыбкой говорил:

— Пока... там посмотрим, нужны ответственные люди на все посты, если не пригодятся—сумеем переменить.

Как он был прав. Иные, конечно, сменились, иные остались на своих постах в течение всего этого знаменательного года.

Сколько было таких, которые не без робости приступили к поручаемому им делу, а потом оказались вполне на высоте его.

У иного, конечно,—не только из зрителей, но и из участников переворота — кружилась голова перед грандиозными перспективами и трудностями, казавшимися непобедимыми.

Больше всех других Ленин с изумительным равновесием душевным всматривался в исполинские задачи и брался за них руками так, как берется опытный лоцман за рулевое колесо океанского гиганта-парохода.

А. Луначарский.

„Смольный в великую ночь".

Взятие власти.

Взятие пролетариатом в Октябре 1917 г. в России власти в свои руки является событием небывалым в мировой истории. Это была первая победа пролетариата над буржуазией, одержанная в таких размерах. Исключительное и небывалое в этом явлении было то, что власть досталась в руки класса, порожденного современной крупной промышленностью, самого передового и революционного и достигшего в лице своих передовых представителей высшей ясности сознания.

Ленин, как лучший представитель современного революционного пролетариата, вооруженный всеми завоеваниями научной теории, более, чем кто-либо другой, мог ясно видеть и понимать сущность совершающихся в обществе процессов. В лице Ленина пролетариат был вооружен всем опытом предшествующей борьбы.

Теория марксизма, соединенная с массами, делала пролетарскую революцию непреодолимой, потому что она давала массовому движению сознательное, выдержанное руководство. Невиданным в истории событием было то, что пролетариат завоевал власть. Невиданным в истории событием было и то, что власть попала в руки такого образованного теоретика, каким был Ленин.

В. Адоратский.

„Полит. деятельность Ленина".

Решительный бой.

Собиратель сил революции.

....25 октября (7 ноября) власть в столице перешла в руки Совета Рабочих Депутатов.

Конечно, не один тов. Ленин руководил Октябрьским переворотом, но никто так ясно и отчетливо не представлял себе революцию. Никто так твердо не вел массы по пути революции, как Ленин в Октябрьские дни. В сборнике вы можете прочитать разговор Ленина с Кронштадтом по прямому проводу. Ленин вызывает воинские части армии и флота на подкрепление столицы. Он разговаривает с товарищем из Балтфлота. Ленин сообщает ему состояние в столице и спрашивает, не может ли он немедленно двинуть в Петроград большое число миноносцев и других вооруженных судов, а товарищ из Балтийского флота спрашивает: и еще что? Ленин отвечает „вместо вопроса: еще что?—я ожидал заявления о готовности двинуться и сражаться". И когда тов. Михайлов, представитель Областного Комитета Военного Отдела Финляндии, сообщает ему, сколько он может и к какому пункту выслать вооруженных и готовых сражаться людей, Ленин спрашивает: „А можете ли вы обеспечить их доставку и продовольствие?" Ленин был в этот момент не только руководителем, не только командиром, а думал с тревогой о судьбе тех солдат, которые пойдут защищать революцию, будут ли они накормлены, есть ли у них продовольствие.

В такой момент не всякий об этом подумает.

Если восстание в октябре 1917 года победило, то оно победило потому, что Ленин сумел выбрать момент и собрать воедино силы, нужные для революции.

Е. Ярославский.

„Жизнь и работа Ленина".

За работой.

(Набег Краснова).

— ...Ну, как у вас? Что нового

Я подробно докладываю Ленину о положении на фронте. У Керенского сил немного. Казачья дивизия генерала Краснова. Пехоты незаметно. По слухам, ударники движутся через станцию „Дно". С юго-западного фронта Керенским снята дивизия пехоты, но задержана в пути. На северном фронте латыши и сибиряки разогнали соглашательские Комитеты. Обещают поддержку. Из Финляндии к нам прибыл сводный отряд моряков—тысячи полторы. Отборный народ.

Выборжцы обещают отряд с артиллерией. Им удалось удержать на месте Кубанскую казачью дивизию. Против Керенского уже действуют рабочая гвардия, моряки, у Пулкова—стрелки, остальные несут караулы, казаки-донцы 1, 4 и 14 полков сидят в казармах под неусыпным наблюдением. Наш правый фланг вполне прочен. Центр закреплен. Керенский угрожает Царскому Селу, Павловску, Пулкову. Угроза серьезна, ибо у нас слабо с артиллерией. У казаков артиллерия превосходна. Действует с ними также сильный бронепоезд. Путиловцы обещали изготовить бронеплощадку с зенитными орудиями, да что-то все их нет.

Ленин выражает нетерпение.

— А вы уверены, что выполнят?

— Они делают все, что могут, но не мешало бы подтолкнуть.

— Смотрите!

— Хотите лично убедиться,—предлагаю я,—можно с'ездить и подтолкнуть заодно.

Легко соглашается.

...Пронизывает до костей эта питерская предзимняя сырость. В открытом автомобиле Ильич почти совсем замерз, когда, наконец, мы подкатили к Путиловскому заводу. Завод освещен и гудит нутряным трудовым гулом. Пробираемся дворами в помещение фабрично-заводского комитета.

Взлохмаченные, вымаранные, усталые, но деловые фигуры. Как-то не удивились нашему появлению. Как-то мало задержались вниманием на личности глубокочтимого рабочего вождя. „Товарищ Ленин"... И опять в дело с головою.

Некогда... Толково раз'ясняют, что делается и в чем задержка. Да, за пару дней наворочено столько, сколько за две недели раньше не вырабатывали.

...Мы молчим дорогой, возвращаясь в Смольный. Ильич успокоен. Я думаю, думаю об этой силе массовой, рабочей, солидарной. Свое они дело делают, кровное. Их подгоняет нутряная страсть, великое самосознание класса, вставшего на борьбу. С этакой силой все выдержим. Да, выдержим!— хочется мне, ликуя, крикнуть.

Антонов-Овсеенко.

„В Октябрьские дни".

Организатор победы.

Банды Керенского стояли под Петроградом. Положение только-что организовавшейся рабоче-крестьянской республики было критическое. Мы поставили под ружье, отправили на фронт все, что было способно стоять за дело республики, но развал в некоторых наших частях, недочеты командования и разрозненность в деле руководства операциями сводили на-нет все наши усилия. Врагу ничего не стоило при нашей разобщенности и на плечах наших отступающих войск ворваться в столицу. Командующий тов. Антонов, утомленный и подавленный, еле давал себе отчет о событиях.

В этот тяжелый момент на сцену выступил тов. Ленин.

...Тов. Ленин, с исключительным напряжением следивший за наступлением Керенского и за ходом восстания белогвардейцев, очевидно, самым реальным образом учел наше критическое положение на позициях. Неожиданно для нас он явился в штаб округа с т.т. Сталиным и Троцким. Он вызвал меня, Антонова и Механошина и потребовал, чтобы мы сделали ему подробный доклад о положении дел, чтобы мы познакомили его с находящимися в нашем распоряжении силами, с силами противника и нашими оперативными планами.

На мой вопрос, что означает этот приезд,—недоверие к нам или что другое, тов. Ленин просто, но твердо ответил:

— Не недоверие, а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти.

В этот момент я впервые почувствовал, что у нас диктатура, что у нас сильная, твердая рабочая власть. Тут я понял, что я—ответственный перед рабочими и крестьянами агент

власти, а не просто работник; что я сам, составляя частицу аппарата диктатуры, подчинен власти пролетариата в каждом шаге своем и несу величайшую ответственность перед общей диктатурой пролетариата в лице Совета Народных Комиссаров.

Тов. Антонов стал излагать общий план операций, указывая по карте расположение наших сил и вероятное расположение противника. Тов. Ленин впился в карту. С остротой самого глубокого и внимательного оператора стратега и полководца он затребовал об'яснений, почему тот пункт не охраняется, почему предполагается тот шаг, а не иной, почему не вызвана поддержка Кронштадта, почему не разработана такая-то позиция, почему не закрыт такой-то проход.

Этот вдумчивый и строгий анализ показал нам, что мы, действительно, допустили целый ряд оплошностей, не проявили той чрезвычайной активности, которой требовал момент. Мы шли за массами, но ничего не сделали, чтобы быть их вождями и полководцами. Оставалось два выхода: или сказать тов. Ленину, что мы все никуда негодны, не можем нести ответственность за операции, или кому-либо другому взять командование.

После краткого перерыва и обмена мнениями с товарищами по штабу, я направился к товарищу Ленину и заявил, что берусь устранить тяжелое положение на фронте и надеюсь, что мне удастся собрать силы Красного Петербурга.

Часов в 12 следующего дня тов. Ленин явился ко мне в штаб и потребовал, чтобы ему поставили в моем кабинете стол, и заявил, что он хочет все время быть в курсе событий, прибавив, что Совет Народных Комиссаров выделил его, Сталина и Троцкого в помощь мне.

Сев на организационного конька, тов. Ленин через каждые пять, десять минут присылал мне кого-нибудь на помощь: то по снабжению, то по мобилизации рабочих, то по подрядному делу, то летчика, то агитатора. Постепенно увлекаясь, он, сам того не замечая, выходил из моего кабинета, давал непосредственные распоряжения то одному, то другому товарищу.

Работа закипела. Но тов. Ленина это не удовлетворяло: ему казалось, что работа все еще идет медленно, нерешительно, не энергично, и он принялся сам вызывать в свой кабинет представителей организаций заводов и информировался у них о состоянии вооружения рабочих, о технических средствах, о том, что

можно, вообще, получить от них для обороны и чем их завод может быть для этого полезен. Тут появились приказы путиловцам: бронировать площадки паровозов, ставить имеющиеся на Путиловском заводе пушки, вести на позиции блиндажи. Нарвскому району приказывалось реквизировать у извозчиков лошадей для отправки имевшихся на заводе 40 готовых пушек. По различным заводам, организациям были посланы комиссары, чтобы взять от них все, что потребно для обороны.

Я несколько раз в течение 3—5 часов сцеплялся с тов. Лениным, протестуя против его „рваческой" работы. Протесты мои как бы принимались, но через несколько минут забывались и игнорировались. В сущности создалось 2 штаба: в кабинете Ленина и моем. В кабинете Ленина как бы походный, т. к. тов. Ленин имел стол в моем кабинете. Но чем чаще тов. Ленин посещал свой кабинет, куда беспрерывно вызывались по его приказу всевозможные работники, тем более распоряжения случайного характера превращались в непрерывную цепь. Правда, эти распоряжения не касались ни операций, ни воинских частей, а только мобилизации „все и вся" для обороны. Но этот параллелизм работы страшно нервировал меня. Наконец, я резко и совершенно несправедливо потребовал, чтобы тов. Ленин освободил меня от работы по командованию.

Тов. Ленин вскипел, как никогда: „Я вас предам партийному суду, мы вас расстреляем. Приказываю продолжать работу и не мешать мне работать".

Только на следующий день оценил я все значение параллельной работы Ленина. Я особенно понял ценность ее после того, как проанализировал результаты созванного им совещания из представителей рабочих организаций, районных советов, фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и воинских частей. На этом совещании он приказал быть и мне.

Здесь я понял, в чем заключается сила тов. Ленина: в чрезвычайный момент он доводил концентрацию мысли, сил и средств до крайних пределов. Мы разбрасывались, собирали и бросали силы случайно, но планомерно, благодаря чему получалась расплывчатость действий, а отсюда расплывчатость и настроение масс и отсутствие активности, инициативы и решимости.

Массы не чувствовали железной воли и плана, где все, как в плане, было бы стройно, пригнано и закреплено. Ленин же точно гвоздем вколачивал в каждую голову мысль о необходимости все сосредоточить на оборону, все построить для обороны. Из этой мысли он дальше разворачивал уже план, в котором, как в целом механизме, невольно находил место для себя, для своего завода, для своей части.

Н. Подвойский.

Революция в смертельной опасности.

Это было вечером 27 октября 1917 года в помещении штаба Петроградского военного округа, только два дня тому назад очищенного от белогвардейцев. В этот день была получена скорбная весть о падении Гатчины. Мне сказали, что меня вызывает к себе тов. Ленин. Владимир Ильич сидел в большой комнате штаба округа, на конце длинного стола, который обычно, видимо, покрывался зеленым или красным сукном, а сейчас неуклюже сиял своей грубой деревянной наготой. Это придавало всей комнате нежилой, неуютный вид.

Кроме Ленина, в этой пустой и унылой комнате, находился Л. Д. Троцкий. На столе перед Ильичем лежала развернутая карта окрестностей Петербурга.

— Какие суда Балтийского флота вооружены наиболее крупной артиллерией,—с места в карьер атаковал меня Владимир Ильич.

— Дредноуты типа „Петропавловска",—ответил я,—они имеют по двенадцати 12-ти дм. орудий, 52 калибра каждый, в башенных установках, не считая более мелкой артиллерии.

— Хорошо,—едва выслушав, нетерпеливо продолжал Ильич, теперь, если нам понадобится обстреливать окрестности Петрограда, то куда следует поставить эти орудия? Можно ли их ввести в устье Невы?

Я ответил, что в виду глубокой осадки линейных кораблей при мелководье Морского канала, проводка столь крупных судов в Неву невозможна, так как эта операция может иметь шансы на успех лишь в редком случае—в случае большой прибыли воды в Морском канале.

— Так каким же образом можно организовать оборону Питера судами Балтийского флота?—спросил тов. Ленин,

устремляя на меня свой пристальный взор и насторожив все свои внимание.

Я указал, что линейные корабли могут встать на якорь между Кронштадтом и входом в Морской канал, примерно, на траверзе Петергофа. В этом случае, помимо непосредственной защиты подступов к Ораниенбауму и Петергофу, они будут обладать значительным секретом обстрела вглубь побережья.

Что касается Невы, то здесь „Аврору“ можно усилить другими крейсерами от 8 до 10 дм. артиллерией.

Тов. Ленин не удовлетворился моим ответом и заставил меня показать на карте, примерно, границы секторов обстрела разнокалиберной артиллерии.

Только после этого он несколько успокоился.

Вообще в этот вечер Вл. Ильич был в необычайно взволнованном состоянии. Занятие Гатчины белогвардейцами произвело на него сильнейшее впечатление и внушило ему опасение за судьбу пролетарской революции.

— Позвоните по телефону в Кронштадт,—сказал, наконец, тов. Ленин,—и сделайте распоряжение о немедленном формировании еще одного отряда кронштадтцев. Необходимо мобилизовать абсолютно всех, до последнего человека. Положение революции в смертельной опасности. Если сейчас мы не проявим совершенно исключительной энергии, то Керенский и его банды нас раздавят.

Я пытался вызвать по телефону Кронштадт, но в виду позднего времени—безуспешно. Тогда Вл. Ильич предложил мне связаться с кронштадтскими товарищами по Юзу. Мы пошли в телеграфную комнату, где неуклонно жужжали прямые провода. Там, облокотившись на стол у одного из бесчисленных аппаратов, в задумчивой позе, стоял Н. И. Подвойский. Мы подошли к нему. Мысль невольно устремлялась на фронт, где сейчас решалась судьба революции. После известия о взятии Керенским Гатчины никаких существенных сообщений с боевого фронта не поступало. Падение Гатчины всеми переживалось тяжело. Однако, никто не отчаивался. Ильич меньше всех. Он не ошибся, когда оптимистически обсуждал наши шансы на успех. Насчет серьезности положения у него не было никаких иллюзий.

— Правда, теперь положение таково, что либо они нас, либо мы их будем вешать,—сказал тов. Подвойский.

Никто ему не возражал. Моя попытка связаться с Кронштадтом по прямому проводу также не увенчалась успехом.

— Ну ладно, вот что,—ответил мне Ильич, когда я доложил о своей неудаче,—вы лично поезжайте в Кронштадт и сами сделайте на месте все нужные распоряжения о немедленном формировании и отправке на фронт отряда с пулеметами и артиллерией. Помните, что время не терпит, дорога каждая минута.

Ф. Раскольников.

Разговор Ленина с Кронштадтом по прямому проводу.

— Сейчас к аппарату подойдет один из членов правительства. Обождите.

— Какой вы партии, и являетесь ли представителем матросских и солдатских частей?

— Я социалист-революционер, интернационалист и другой со мной товарищ—большевик.

— С вами хочет говорить Ленин от имени революционного правительства.

— Просим, что имеет передать?

РАЗГОВОР ЛЕНИНА.

Ленин. Можете ли вы говорить от имени областного комитета армии и флота?

— Конечно, могу.

Ленин. Можете ли вы немедленно двинуть к Петрограду большое количество миноносцев и других вооруженных судов?

— Сейчас позовем председателя Центробалта, так как дело чисто морского характера.

— Что у вас нового в Петрограде?

Ленин. Есть известия, что войска Керенского подошли и взяли Гатчину, и так как часть петроградских войск утомлена, то настоятельно необходимо самое быстрое и сильное подкрепление.

— И еще что?

Ленин. Вместо вопроса „еще что“ я ожидал заявления о готовности двинуться и сражаться.

— Да это, кажется, повторять не надо; мы заявили о своем решении; следовательно, все будет сделано на деле.

Ленин. Имеются ли у вас запасы винтовок и пулеметы и в каком количестве?

— Здесь председатель областного комитета военного отдела т. Михайлов. Он вам скажет об армии Финляндии".

Разговор т. Михайлова с Лениным.

— Сколько вам нужно штыков?

Ленин. Нам нужно максимум штыков, но только с людьми верными и готовыми сражаться. Сколько у вас таких людей?

— До пяти тысяч. Можно выслать экстренно, которые будут сражаться.

Ленин. Через сколько часов можно ручаться, что они будут в Питере при наибольшей быстроте отправки?

— Максимум двадцать четыре часа с данного времени.

Ленин. Сухим путем?

— Железной дорогой.

Ленин. А можете ли вы обеспечить их доставкою продовольствия?

— Да. Продовольствия много. Есть также пулеметов до 356, можем выслать с прислугой без ущерба для здешнего положения и небольшое число полевой артиллерии.

Ленин. Я прошу настоятельно от имени правительства Республики немедленно приступить к такой отправке и прошу вас также ответить, знаете ли вы об образовании нового правительства, и как оно встречено Советами у вас.

— Пока только из газет. Власть, перешедшая в руки Советов, встречена с энтузиазмом.

Ленин. Итак, значит, сухопутные войска будут немедленно двинуты и для них обеспечен подвоз продовольствия?

— Да. Сейчас же примемся за отправку и снабдим продовольствием. Здесь у аппарата товарищ председателя Центробалта, так как т. Дыбенко выехал в Петроград сегодня в 10 час. вечера".

Разговор председателя Центробалта с Лениным.

Ленин. Сколько можете вы выслать миноносцев и других вооруженных судов?

— Можно послать линейный корабль „Республику“ и два миноносца.

Ленин. Будут ли они точно также обеспечены продовольствием?

— Во флоте продовольствие есть, и они будут им снабжены. Все посланные миноносцы и линейный корабль,—с уверенностью скажу,—выполнят свое дело защиты революции. В посылке вооруженной силы не сомневайтесь. Будет выполнено беспрекословно.

Ленин. Через сколько часов?

— Максимум через восемнадцать часов. Встречается ли необходимость сейчас послать?

Ленин. Да. Правительство абсолютно убеждено в необходимости послать немедленно с тем, чтобы линейный корабль вошел в Морской канал, как можно ближе к берегу.

— Так как линейный корабль представляет из себя крупное судно с двенадцатидюймовой артиллерией, то поэтому оно стать около берега не может, так оно может быть захвачено голыми руками. А для выполнения этого служат миноносцы с мелкой артиллерией и пулеметами; что же касается линейного корабля, то он должен стоять, приблизительно, на рейде или рядом с крейсером „Аврора“, так как его артиллерия стреляет на двадцать пять верст,—в общем это дело выполнят матросы с командным составом.

Ленин. Миноносцы должны войти в Неву около села Рыбацкого, чтобы защищать Николаевскую дорогу и все подступы к ней.

— Хорошо, будет все это выполнено. Что еще скажете?

Ленин. Есть ли радио-телеграф на „Республике“, и может ли он сноситься с Питером во время пути?

— Не только на „Республике“, но и на миноносцах, которые сносятся с Эйфелевой башней. В общем заверяем, что будет все выполнено хорошо.

Ленин. Итак, мы можем рассчитывать, что все названные суда двинутся немедленно?

— Да, можете. Сейчас будем отдавать срочные распоряжения, чтобы названным судам быть в срок в Петрограде.

Ленин. Есть ли у вас запасы винтовок с патронами? Посылайте как можно больше.

— Есть, но небольшое количество на судах; что есть— вышлем.

Ленин. До свидания. Привет.

— До свидания. Вы ли говорили? Скажите имя.

Ленин. Ленин.

— До свидания. Приступаем к исполнению".

Для защиты подступов Петрограда.

26-го октября 1917 года в Кронштадте было получено из Смольного, от Революционного Комитета, приказание:

Кронштадтскому Исполкому.

Предлагается немедленно сформировать отряд в количестве 3.500 штыков, по возможности, отряд сформируйте из матросов.

Отряду надлежит немедленно же по формировании, под командою надежного товарища, члена РС-ДРП (большевиков), направиться в Старый и Новый Петергоф, разоружить оставшиеся группы юнкеров и занять позиции на перекрестке Волхонского и Царскосельского шоссе.

Мне, как члену Кронштадтского Исполкома и заместителю председателя Кронштадтской Военно-технической комиссии, поручено было лично сформировать этот отряд.

По переброске отряда по назначению, я направился в Смольный, имея целью доложить о состоянии отряда, его настроении и боеспособности.

Революционный Комитет помещался в третьем этаже Смольного, по коридору налево. Так как работа в Революционном Комитете кипела, то мне пришлось ждать очереди несмотря на мое срочное донесение.

Разговаривая с членами Революционного Комитета т. т. Механошиным, Н. Подвойским и другими, которые живо интересовались состоянием сформированного мною отряда и вообще настроением Кронштадта и его гарнизона,—я услышал со стороны возгласы:

— Ильич! Ленин!...

Повернувшись, я увидел подходившего к нам Ленина. Я был тогда в матросской форме. Ленина, очевидно, заинтересовало мое присутствие, он, видимо, хотел спросить о моем отряде (формирование которого, как выяснилось после документально, было личным желанием Ленина).

Положив свою руку на мое плечо и смотря мне прямо в глаза, Ленин спросил меня:

— Вы, вероятно из Кронштадта и знаете что-либо о том отряде кронштадтцев, который должен быть выслан для защиты подступов к Петрограду, под Царское Село?

— Да,—отвечал я.—Я приехал с донесением о настроении личного состава этого отряда и о его боеспособности. Формировать этот отряд пришлось мне, т. Ленин, если хотите, я могу дать вам о нем самые подробные сведения.

— Подробных сведений мне не нужно,—отвечал Ленин,—я знаю, что такое моряки Балтийского флота и что они сделали за это кратчайшее время—в эти два—три дня... Помните, товарищ,—обратился ко мне Ленин,—кронштадтцы сделали очень много, но им, возможно, предстоит сделать еще больше теперь,—в момент отчаянной борьбы.

Повернувшись, Ленин поспешно вышел в помещение секретариата Революционного Комитета.

Считаю необходимым отметить то впечатление, которое произвел на меня Ленин этим своим коротким разговором. До этого я не спал суток трое подряд,—был измучен и голоден. Но после того, как я посмотрел на Ленина,—его спокойный, строгий взгляд внушил мне снова энергию, и это чувство не я один испытал.—Я от многих товарищей, встречавшихся с Лениным, слышал о таком же впечатлении от встреч с Лениным в те дни—в Октябрьские дни 1917 года.

Алексей Пронин.

„Об Ильиче"
Ленингр. Истпарт.

Первые дни в Смольном.

Припоминаю один из дней в Смольном.

Керенский наступает, Гатчина в руках врагов...

Мне передают: тов. Ленин просит собрать лучших наших агитаторов. Быстро собираем их по Смольному.

Вечер. Полутемная комната без мебели. Один стол, вокруг которого столпилось полдюжины товарищей.

Приходит Владимир Ильич.

Он спокоен и, по обыкновению, приветливо улыбается.

Он излагает положение дела.

До сих пор против Керенского шли главным образом, наши рабочие, необученные полки. К регулярным войскам мы еще не обращались. Рабочие проявляют небывалое геройство, творят чудеса,—но против регулярных войск этого мало; у нас там некоторая заминка, неудача. Надо рассыпаться по полкам, призвать их выступить, убедить, поднять, воодушевить и повести против Керенского...

Он говорит так спокойно, что никто не чувствует степени опасности момента.

Через час наши агитаторы были в казармах, а через пару дней Керенский и его наступление были ликвидированы.

Так работал у руля наш Ильич, не спал, потому что было некогда, дальше не мог спать от возбуждения и переутомления. Только Владимир Ильич мог вынести такую работу. Он всюду в центре: в Ц.К., в Совнаркоме, в Военном Штабе... Выступления, переговоры, декреты. Часто, один против всех, убеждает своей непоколебимой, железной логикой и волей. Он там, в глубине, и руководит всеми, часто даже в деталях.

Евгения Адамович.

„Октябрьский сборник“.

Внимание к товарищам.

В дни Октября. Поздно ночью приходит в комнату П.К. тов. Ленин и предлагает мне (я был дежурным членом бюро) немедленно собрать всех членов бюро (тогда оно называлось исполнительной комиссией). Собрались быстро. И стоя, некогда было и сесть, тов. Ленин говорит, что Керенский повел наступление на Питер, нужно сию же минуту организовать рытье окопов, возводить проволочные заграждения, сейчас же надо взломать склады с лопатами и кирками, забрать всю колючую проволоку на заводах и проч., и проч.

Помню, теперь покойный тов. Слуцкий, не спавший несколько ночей и еле державшийся на ногах, сказал, что это мы все сделаем с утра, так как сейчас ничего и нигде не найдется.

Тов. Ленин метнул на него свой взгляд и бросил скороговоркой: „Спать, вам надо спать. Вы бы, товарищи,—обращается к нам,—поставили к нему пару красноармейцев и заставили бы его выспаться“.

Предложение товарища Ленина о постройке окопов мы приняли быстро. Быстро же наметили, кто и что берет на себя, и тут товарищ Ленин снова обратился к Слуцкому и тоном, полным тепла и душевности, сказал: „Вы, быть может, обиделись на меня? Я не хотел вас обидеть, но вы валитесь; и для дела, и для здоровья вам нужно 3—4 часа отдохнуть“.

Слуцкий просиял. Нам всем было хорошо. Ленин, который горит борьбой, который следит за важнейшими событиями, дает решающие распоряжения, этот Ленин находит минуту и для дружеского слова.

Наумов.

На переломе.

Скачок в неизвестность.

...Первые дни после Октябрьской революции, когда Совет Народных Комиссаров пытался заставить мятежного генерала, главнокомандующего Духонина, прекратить военные действия и открыть переговоры с немцами о перемирии. Помнится, как тов. Ленин, Крыленко (будущий главнокомандующий) и я отправились в Главный Штаб в Питере к проводу для переговоров с Духониным. Минута была жуткая. Духонин и ставка категорически отказались выполнить приказ Совнаркома. Командный состав армии находился целиком в руках ставки. Что касается солдат, то неизвестно было, что скажет 12-тимиллионная армия, подчиненная так называемым армейским организациям, настроенным против Советской власти. В самом Питере, как известно, назревало тогда восстание юнкеров. Кроме того, Керенский шел на Питер войной. Помнится, как после некоторой паузы у провода лицо Ленина озарилось каким-то необычайным светом. Видно было, что он уже принял решение. „Пойдем на радиостанцию,—сказал тов. Ленин,—она нам сослужит пользу: мы сместим в специальном приказе генерала Духонина, назначим на его место главнокомандующим тов. Крыленко и обратимся к солдатам через голову командного состава с призывом — окружить генералов, прекратить военные действия, связаться с австро-германскими солдатами и взять дело мира в свои собственные руки". „Это был скачок в неизвестность". Но тов. Ленин не боялся этого „скачка", наооборот, он шел ему навстречу, ибо он знал, что армия хочет мира и она завоюет мир, сметая по пути к миру все и всякие препятствия, ибо он знал, что такой способ утверждения мира не пройдет даром для австро-германских солдат, что он развяжет тягу к миру на всех без исключения фронтах.

И. Сталин.

„Речь на вечере Кремлевских курсантов".

Член большевистской фракции.

На третий день [1]) неожиданно появился на трибуне Ленин.

В течение десяти минут помещение напоминало сумасшедший дом.

— Долой его!—ревела толпа.

— Мы не хотим слушать вас и ваших народных комиссаров!

— Мы не признаем вашего правительства!

Ленин стоял совершенно спокойно, сжимая трибуну обеими руками и внимательно следя за бурным собранием глазами. В конце концов, весь шум как-то сам собою стал униматься, за исключением правой стороны залы...

— Я сюда пришел не как член Совета Народных Комиссаров,—сказал Ленин и подождал, пока шум спадет,—а как член большевистской фракции, должным образом выбранный на этот с'езд.

И он поднял свой мандат так, что все могли его видеть.

— Однако, — продолжал он спокойным голосом, — никто не станет отрицать, что нынешнее правительство России образовано большевистской партией,—он подождал с момент,— так что для всяких практических целей это одно и то же.

Тут правые скамьи подняли страшный шум, но чувствовалось в центре и слева большое любопытство к тому, что скажет Ленин. И эта часть с'езда заставила замолчать остальную.

Аргументация Ленина была весьма проста.

— Скажите мне откровенно вы, крестьяне, которым мы дали землю помещиков, собираетесь ли вы лишить рабочих возможности получить контроль над производством? Это—классовая борьба. Помещики, конечно, идут против крестьян и фабриканты против рабочих. Собираетесь ли вы допустить раскол в пролетарских рядах? На какой стороне вы будете?

Мы, большевики, являемся партией пролетариата,—в такой же мере партией сельского пролетариата,—как и пролетариата промышленного. Мы, большевики,—защитники советов и в той же мере крестьянских, как и рабочих, и солдатских. Нынешнее правительство является правительством советов. Мы не только

---

[1]) Крестьянского с'езда.

пригласили крестьянские советы присоединиться к правительству, но мы также пригласили левых социалистов-революционеров вступить в состав Совета Народных Комиссаров. Совет является наилучшим представительным органом для народа—рабочих фабрик и копей, для работников деревни. Каждый, кто покушается уничтожить советы, повинен в антидемократическом и контр-революционном преступлении, и я здесь предупреждаю вас, товарищи правые социалисты-революционеры, и вас, господа кадеты, что, если учредительное собрание попытается уничтожить советы, мы не допустим до этого учредительное собрание.

Джон Рид.

„Крестьянский с‘езд“.

В борьбе за крестьянский с‘езд.

... Особенный интерес Владимир Ильич проявлял к созываемому нами крестьянскому с‘езду, — я был вместе с т.т. Устиновым, Прошьяном и Натансоном в организационной комиссии по созыву этого с‘езда, и, помнится, Владимир Ильич несколько раз нас вызывал и требовал подробной, информации о ходе работы, торопил нас с созывом с‘езда которому он придавал исключительно большое значение.

— Нужно во что бы то ни стало разбить авксентьевскую Фонтанку (там помещался право-эсэровский крестьянский центр),—твердил Владимир Ильич. Одновременно с извещениями и инструкциями о крестьянском с‘езде, которые мы передавали по радио,—по прямым проводам, через Викжель и через ПТА,—мы теми же способами распространяли составленные Владимиром Ильичем инструкции губернским земельным комитетам о новом земельном законе.

Несмотря на отчаянное противодействие, оказанное авксентьевцами, крестьянский с‘езд оказался очень многолюдным и организованным.

... На четвертый день работ с‘езда, на вечернем заседании, выступил Владимир Ильич и был встречен бурной овацией.

Владимир Ильич произнес большую речь о принятом II с‘ездом советов декрете о земле, о громадном значении для хода революции решений этого с‘езда. Свою речь он закончил призывом к с‘езду принять участие в организации рабоче-крестьянской власти.

Произнесенная с большим под'емом речь Владимира Ильича произвела на крестьян огромное впечатление, и в особенности те места ее, где Владимир Ильич подробно и необыкновенно ясно излагал крестьянам основы нового земельного закона.

На другой день поздно вечером состоялось в кабинете Свердлова расширенное заседание президиума ВЦИК с участием Владимира Ильича. Шел горячий спор между большевиками и левыми эсэрами о том, сколько представителей должен получить крестьянский с'езд во вновь сконструированном ВЦИК.

Владимир Ильич был в очень веселом настроении, все время подшучивал, и я хорошо помню, как в ответ на возражения Натансона и Карелина против включения Балтфлота и каких-то профсоюзных организаций во ВЦИК, так как, мол, „советский парламент должен образовываться не произвольно, а по известной конституции и определенным юридическим признакам",—Владимир Ильич весело расхохотался и сказал:

— *А вы, я вижу, ушиблены парламентаризмом. Неужели вы не понимаете, что мы включаем организации в революционный парламент не по каким-нибудь формальным признакам, а по их роли и значению в революции?*

Спор продолжался долго. Но в конце концов мы историческое соглашение подписали.

... Был сконструирован новый ВЦИК, был выбран новый президиум, и твердо и уверенно заработала советская машина на новой расширенной базе.

Но разбитая авксентьевская Фонтанка тоже не дремала, она созывала от своего имени новый крестьянский с'езд и всячески старалась подтасовать его состав.

Помню, как Натансон и Прошьян высказывались было за бойкот с'езда, но Владимир Ильич самым решительным образом восстал против этого:

— Нельзя бойкотировать крестьянский с'езд, хотя он и созывался правыми. Нужно всеми силами попытаться расколоть его. Обязательно достаньте мне мандат на этот с'езд.

Мы достали мандаты на этот с'езд т.т. Ленину, Зиновьеву, Троцкому и Володарскому.

Сʻезд проходил очень бурно, здесь нашел себе приют выгнанный с первого крестьянского сʻезда Чернов и руководимая им правая часть сʻезда неистовствовала и бесилась при выступлениях большевиков. Левая часть сʻезда два раза хотела демонстративно уйти с него, но Владимир Ильич, постоянно информируемый нами о настроениях сʻезда, категорически высказался против ухода в начале работ:

Пусть правые отклонят наш земельный закон, тогда можно и уйти. Нужно сделать уход понятным для самых отсталых крестьянских слоев.

Чтобы положить конец колебаниям, В. И. решил приехать на другой же день утром и выступить на сʻезде.

Несмотря на настойчивые требования левого крыла, правые ни за что не хотели выслушать В. И. в качестве председателя Совнаркома. Тогда Владимир Ильич неожиданно вынул свой мандат и заявил, что так как их же собственная организационная комиссия выдала ему мандат, как представителю ЦК большевиков, то он и выступит как представитель одной из правительственных партий.

Удалось установить порядок, и В. И. произнес небольшую речь о той коалиции с крестьянством, которая была заключена рабочим классом, и о том, что было положено в основу этого союза.

Левый сектор проводил В. И. бурными аплодисментами. На правых речь В. И. произвела сильное впечатление и правоэсэровскими лидерам так и не удалось вызвать протесты правого сектора—он смущенно молчал. Напрасно старался Чернов всяческими прибаутками, прилаживаясь под просто народный и крестьянский говор, рассеять впечатление от ясных и простых ильичевских слов, глубоко запавших в крестьянскую душу.

...На другой день сʻезд окончательно раскололся на два непримиримых сектора: наша левая советская часть выросла количественно вдвое с начала сʻезда и составляла его половину, а правая половина, предводительствуемая Черновым, продолжала неистовствовать и делала невозможным какую бы то ни было общую работу.

Владимир Ильич, внимательно выслушав подробную информацию о положении на сʻезде, проредактировал декларацию левой части, подлежащую оглашению на сʻезде, и на этот раз уже не задерживал нашего ухода.

Б. Малкин.

„В Смольном".

Командир, телефонистка, машинистка.

...У революции не было аппарата власти, работающего до отказу, без перебоев...

...Нужна была стальная воля, нужен был организующий гений, чтобы направлять, организовывать, руководить всем, начиная от внешней политики и кончая телефонными станциями.

И этой волей, этим организатором закрепления революции был ее вдохновитель—Ленин.

Смольный—исторический Смольный—превратился в штаб революции. И в нем командиром, начальником штаба, телефонисткой и машинисткой—впрочем немного неудачной—был Владимир Ильич.

...Бесконечное неисчислимое количество трудностей, мелочей и больших препятствий пришлось преодолеть Владимиру Ильичу в первые дни после Октября. Вся страна горела ярким пламенем восстания, но в дни, когда была до основания срыта старая власть, не удалось еще создать даже телефонной станции.

Ленину—вождю революции—помимо общего руководства всем и всеми приходилось выполнять даже скромную роль телефонной барышни. Это не утка—факт.

Тов. Кожевникову—одному из работников—понадобился как то номер телефона комиссара Госбанка Пятакова. Никто этого номера не знал, но зато советовали: „позвоните Ленину, он наверное знает". Пришлось позвонить, и Ленин, вождь революции, председатель первого Совнаркома первой революции, скоренько—скорей, чем хорошее справочное бюро—сообщил просимый номер телефона.

В воспоминаниях, появившихся после его смерти, одна из машинисток, работавших в Октябрьские дни в Смольном, рассказывает об одном случае, как нельзя более ярко характеризирующем, с одной стороны, темп работы Влад. Ильича и исключительную скромность Ильича в работе—с другой.

Как-то ночью потребовалось Вл. Ильичу напечатать какую-то бумажку. Измученные, истомленные на работе машинистки прикурнули у своих машинок; Вл. Ильич, чтобы не беспокоить и не тревожить выпавшего на их счастье отдыха, решил сам напечатать необходимый ему документ; и только тогда, когда

после нескольких попыток ему не удалось самому справиться с ремингтоном, он разбудил машинистку и попросил сделать необходимое.

На своих плечах он выносил в эти дни неповторяемую, невиданную работу по руководству первой революции, как вождь этой революции. Лихорадочной работой по 24 часа в сутки он не только отдавал приказания, давал общие директивы—в каждой мелочи, неускользающей от его внимания, он организовал, направлял сам работу.

М. Рогов.

Сверхчеловеческая работоспособность.

Гений Ленина никогда не обнаруживался с такой яркостью, как во время октябрьских событий. Октябрьский переворот является величайшим среди всех революционных движений, которые когда-либо были в истории человечества. Октябрьский переворот является воплощением в жизни самого гениального предвидения тов. Ленина и его железной настойчивости в подготовке победы рабочего класса.

Накануне и во время Октября Владимир Ильич проявил не только гениальность предвидения, он обнаружил в эти дни и сверхчеловеческую работоспособность. Во время октябрьских событий в Смольном были три комнаты, которые под гром пушек и в ураган развивавшейся гражданской войны являлись центром организации победы, это комната товарища Ленина, комната Революционного Комитета и комната № 17, где собирались, работали и часто ночевали члены недавно назначенного Совета Народных Комиссаров и другие ответственные работники.

Владимир Ильич крепко держал в своих руках нити всей работы и входил во все ее детали. Помню, как в первые же дни октябрьского переворота, в напряженной атмосфере развoрачивавшейся гражданской войны, под гром ясно доходивших до Смольного пушечных выстрелов, Владимир Ильич нашел время для разговоров со мной о каком-то декрете о милиции, который я должен был издать, как наркомвнутдел первого состава Совнаркома. В это время с громадной быстротой из политического вождя он превратился в военного человека,

сидел над картами военных действий гражданской войны, изыскивая способы, как достать с того или иного завода какое-либо оружие, как скорее и лучше организовать первые отряды будущей мощной Красной армии.

В то время как лидер меньшевиков вещал на заседании Исполнительного Комитета, что Советская власть не просуществует и нескольких недель, Владимир Ильич со сверх'естественной напряженностью и предвидением закладывал вечные камни новой Октябрьской революции.

А. И. Рыков.

„Правда“ 7/XI 1921 г.

За правительственной работой.

Вождь восстаний и организатор государства.

Владимир Ильич был особенно велик, как вождь восстаний, но не менее он был велик и как организатор нового государства. Вся масса государственных вопросов была у него всегда перед глазами, и он без труда и без ошибок выбирал самое существенное для данного момента и со всей своей невиданной энергией принимался за осуществление очередной задачи. Совершенно исключительное знание и чувство действительности всегда помогало ему избирать те пути, которые были по силам стране и партии, знание людей помогало ему формулировать очередные лозунги в таких выражениях, которые были понятны и доступны всякому. Поэтому он был близким и родным для каждого рабочего и крестьянина. В разрешение каждой очередной задачи В. И. уходил с головой, проверяя каждый шаг на опыте и личными разговорами с отдельными часто рядовыми работниками. Особенное значение он придавал об'яснению каждой меры широким народным массам и тому, как тот или другой закон или распоряжение правительства воспринимается рядовым рабочим и крестьянином.

Владимир Ильич обладал замечательным дарованием строить государство трудящихся из того материала и теми силами, какие есть, и подготовлять их своей бурной и неутомимой работой к разрешению все более и более трудных задач.

А. И. Рыков.

Как произошло название „Народный Комиссар".

24-го октября, в 12 ч. ночи, или еще позднее—в бурные дни Октябрьского переворота время в счет не шло, и многие из нас не спали в течение нескольких суток—Центральный Комитет партии б-ков заседал в маленькой комнатке № 36, в 1-ом этаже Смольного.

Посреди комнаты стол, вокруг—несколько стульев, на пол сброшены чьи-то пальто... В углу лежит товарищ Берзин— ему нездоровится.

В комнате исключительно члены Ц. К.: Ленин, Троцкий, Сталин, Смилга, я, Каменев, Зиновьев. Остальные разошлись по домам.

Время от времени стук в дверь. Поступают сообщения о ходе событий.

Вопрос еще не решен, на нашей ли стороне победа, или нет.

Соотношение сил, повидимому, вполне определилось, перевес на нашей стороне. Но как сложатся события? Что может произойти? Какие ждут отдельные случайности? Этого никто не знал.

Настроение у всех какое-то „обычное": делаем дело интересное и нужное. Все несколько утомлены бессонными ночами, но напряжение нервов, важность совершающегося делают совершенно незаметной утомленность. Наоборот—весело. Разговор часто прерывается шутливыми замечаниями. Идет обсуждение дальнейших планов и действий. В один из перерывов я предложил немедленно составить список будущего правительства.

Взял карандаш, клочок бумаги и уселся за стол. Предложение показалось некоторым настолько преждевременным, что они отнеслись к этому, как к шутке. Но в конце концов все приняли участие. И вот тут возник вопрос, как назвать это новое правительство, его членов.

„Временное Правительство" всем казалось затасканным. И потом самое слово „временное" отнюдь не отвечало нашим видам. Все, конечно, на свете „временно", но мы не хотели придавать новому правительству того специфического значения, как это делали сначала Львов и К°, а затем Керенский с друзьями. Название „министры" еще более отдавало бюрократической затхлостью. И вот тут товарищ Троцкий нашел то слово, на котором все сошлись... „Народный Комиссар". „Да, это хорошо,—сейчас же подхватил т. Ленин,—это пахнет революцией". А правительство назвать „Совет Народных Комиссаров",—подхватил Каменев. Мной было записано „Совет Народных Комиссаров".

Так в комнате № 36 Смольного родилось новое название.

В. Милютин.

Заседания Совнаркома.

Первые заседания Совета Народных Комиссаров происходили в маленьком кабинете В. И. Ленина, в верхнем этаже Смольного. Аппарат в первые дни был небольшой и несложный: Управдел В. Бонч-Бруевич и пара сотрудников. Кажется, первые заседания даже происходили без протоколиста. Частенько к заседаниям являлись делегации рабочих, главным образом, по вопросам перехода промышленности с военной на мирную работу. Кому-нибудь из членов Совета Народных Комиссаров приходилось принимать товарищей и давать указания. Заседания велись В. И. Лениным, проходили очень деловито, хотя и затягивались далеко за полночь. „Ведомственных трений" еще не наблюдалось, но заинтересованность ведомственная уже появилась скоро. Высокая продукция декретов быстро загромоздила работу Совета Народных Комиссаров и, кажется, уже в конце ноября пришлось создать особую комиссию по предварительному рассмотрению декретов. Эта комиссия, помнится, была из трех членов Совнаркома, без назначенного председателя.

А. Шляпников.

„К Октябрю".

Председатель Совнаркома.

Часам к 11 вечера мы все с'езжались на заседания Совета Народных Комиссаров в Смольный, и здесь, под председательством Владимира Ильича, большей частью до 4—5, а иногда и 6-ти часов утра, ставились основные вопросы хозяйственной жизни страны. Владимир Ильич неизменно председательствовал на этих собраниях не формально, а беря на себя инициативу при разрешении всех вопросов. Все резолюции обычно либо писались, либо диктовались Владимиром Ильичем. Он проявлял глубочайший интерес ко всем практическим делам, не говоря о существе вопроса.

А. Ломов.

Классовый паек.

С первых же дней Октябрьской революции Владимир Ильич пристально наблюдал за состоянием продовольственного положения страны, в особенности столиц и других пролетарских

центров. Уже в ноябре 1917 г. при встрече со мной, еще до моего назначения народным комиссаром, он ставил вопрос о том, чтобы рабочим отпускался полный продовольственный паек, а прочим классам населения, особенно не трудящимся, паек уменьшался и доводился, в случае необходимости, до нуля. Первая мысль—о классовом пайке.

А. Цюрупа.

Организационные указания.

...На первых же порах пришлось получить от Владимира Ильича простое, казалось бы, указание организационного характера, которое, однако, сразу перевернуло всю нашу работу.

Дело было так. Вскоре после сконструирования президиума ВЦИК II созыва мне было поручено общее руководство от имени ВЦИК „Петроградским телеграфным агентством" (ПТА) теперешней Ростой. Владимир Ильич очень интересовался ходом работ агентства, и когда пришлось ему пожаловаться на то, что на местах у нас почти нет своих корреспондентов, и что поэтому мы получаем чудовищные телеграммы из провинции от старых информаторов, работающих в ПТА с царских времен,—Владимир Ильич сразу дал нам исчерпывающую директиву, в корне изменившую весь ход работы:

—„А вы немедленно смените от имени ВЦИК всех прежних корреспондентов и назначьте своих. Сходите к Свердлову и к Стасовой, получите у них списки всех редакторов наших газет и журналистов; их-то и нужно по телеграфу назначить корреспондентами ПТА. Скажите Свердлову и Стасовой, чтобы это было оформлено от имени ВЦИК и ЦК.

К Стасовой, которая была тогда секретарем ЦК, однако не пришлось обращаться, так как покойный Свердлов сразу же вынул свою записную книжку и частью по памяти, частью по этой своей знаменитой книжке дал список чуть ли не всех партийных редакторов, журналистов с самыми подробными характеристиками. Этот список, человек в 60—70, я немедленно передал комиссару ПТА тов. Старку.

Нечего и говорить про то, что аппарат ПТА заработал совсем по другому.

Б. Малкин.

„В Смольном". Правда 7/XI 1924.

Действуйте, агитируйте.

То было в декабре 1917 г., вскоре после опубликования декрета С. Н. Комиссаров о рабочем контроле над производством, инициатором и творцом которого, как известно, явился сам товарищ Ленин. Опасаясь слишком резкого поворота в сторону захвата предприятий рабочими, совет рабочего контроля выделил специальную комиссию, которая разработала инструкцию, придававшую рабочему контролю характер контроля пассивного, без вмешательства в распоряжения администрации. Мы, работники Центрального Совета фабрично-заводских комитетов г. Петрограда, составили тогда свой контр-проект инструкции к декрету, толковавшей его в прямо противоположном направлении, как контроль активный. Нас поддержала в этом вся рабочая масса питерских фабрик и заводов. Как усилить нам свою инструкцию в глазах рабочих? Тут мы решили обратиться за содействием к Ленину, зная его подход к делу рабочего контроля. Мы втроем, Амосов, тогдашний председатель Цен. Совета фабр.-завод. комитетов тов. Иванов (Михайлов) и я, отправились как-то вечером к т. Ленину. Изложили ему кратко, хотя и нескладно, суть дела. Владимир Ильич внимательно, прищурив по обыкновению глаз, выслушал нас, задал нам несколько дополнительных вопросов и тут же дал нам неожиданный „отеческий" совет:—если вы хотите добиться настоящего жизненного осуществления вашего подхода к рабочему контролю, то не на авторитеты и законы опирайтесь, а действуйте, агитируйте, проводите всеми способами в рабочие массы вашу мысль. Если она революционна и жизненна, то пробьет себе дорогу и опровергнет всякие нежизненные, хотя и „законные", инструкции и толкования рабочего контроля. Таков был смысл, если не точная формулировка того, что нам ответил Владимир Ильич. Для нас, по крайней мере для меня, тогда это было ново, неожиданно, даже странно. Нам казалось, что вопрос разрешится именно подписью, утверждением, законодательным актом. И вдруг, вместо этого, подобный совет, да еще в сопровождении добродушной, этакой товарищеской насмешки, издевательства, в некотором роде: как это вы, дескать, наивны, молоды еще, коли не понимаете, что ни декретами и инструкциями определяется жизнь, а наоборот, последние являются

ее отражением, и тем, насколько они ее отражают, обуславливается их жизненность, действительность.

Для нас урок Ильича не прошел даром. Сначала, после его слов, мы оторопели, пытались потом что-то сказать, но ничего серьезного из этого, кажется, не вышло. Но, выйдя от Ильича, мы энергично принялись за дело: инструкция пошла во все стороны, не утвержденная, не подписанная, без рекомендации с чьей-либо стороны, но решительно поддержанная всем процессом развития революции в области производственных отношений.

А. Истынь.

„Великий строитель".

Управлять своим хозяйством.

С того момента, когда рабочий класс стал у власти, заводские комитеты не могли дальше продолжать свою работу без фактического контроля над производством.

Совет заводских комитетов разработал схему организации такого государственного органа, который бы регулировал и управлял всем хозяйством и промышленностью, мы решили пойти к Владимиру Ильичу и узнать, как он к этому отнесется.

28 или 29 октября 1917 г. Владимир Ильич принял нас в Смольном, во 2-м этаже, в своей рабочей комнате. Усадив нас около маленького круглого столика, он стал расспрашивать о цели посещения. Мы ему подробно изложили наш план, при этом разложили перед ним графическую схему. С удивившей нас внимательностью Владимир Ильич расспрашивал о мельчайших подробностях нашей схемы, а особое внимание обратил на состав и название проектируемого органа. Мы ему показали набросанный нами перечень представителей от комиссариатов и рабочих организаций, входящих в состав пленума. На его вопрос, как мы назовем этот орган, мы ответили, что думаем назвать его Высшим Советом Народного Хозяйства, после чего он несколько раз повторил это название, заявляя, что оно очень удачно, при чем высказал в нескольких словах мысль, что рабочему правительству такой орган нужен, что при нашей задаче обобществления средств производства нам нужен такой орган, через который сами рабочие управляли бы своим хозяйством.

Ободренные сочувствием Владимира Ильича, мы тогда же стали просить его о том, чтобы наш проект был издан в виде декрета, на что он нам со смехом заявил: „не буду же я издавать декретом вот эти ваши разноцветные кружки, вы напишите на бумаге так, чтобы там были параграфы да пункты, вот тогда мы и издадим все это декретом“. Мы откровенно сознались, что такого декрета написать не умеем, над чем Владимир Ильич искренно смеялся, говоря: „ну как же быть тогда“? Мы стали просить, чтобы он сам написал декрет, на что Владимир Ильич ответил, что самому ему писать некогда, но он кого-нибудь к нам пришлет, и мы там совместно напишем.

Уходя в этот раз от Владимира Ильича, мы радовались сочувствию, высказанному им нашему проекту, одновременно вдумываясь в высказанную им мысль: рабочему правительству нужен такой орган, через который бы рабочий класс мог управлять своим хозяйством.

М. Животов.

Среди товарищей.

Наростала тревога.

Получил письмо из Петербурга: „Тов. Шлихтеру. Дорогой товарищ, ужасно ругаю вас и все ругаем вас. Нельзя оттягивать и колебаться в такие минуты. Нельзя дезертировать. Вы нужны в министры земледелия и должны выехать сюда тотчас. Ругаем вас за оттяжку жестоко. До скорого свидания. Ваш Ленин“.

Я читал и перечитывал это письмо и наростала тревога, что в Питере делается что-то неладное. В этом коротеньком письмеце история сохранила нам памятник тех душевных переживаний, которыми был охвачен в тот момент Ленин. Я не знал за собой ни одной минуты колебания или дезертирства. И тем не менее Ленин заподозрил меня в том и другом....

....Об'ясняется все это лишь тем, что тогда в нашей партийной среде далеко еще не была уяснена сущность Октябрьской революции....

Наконец, в Петербурге, в Смольном. Две, примыкающие к кабинету Ленина, комнаты. Необычайная простота приема. Простой стол с чернильницами, диван и несколько венских стульев—вот обстановка Совнаркомовской приемной в те дни. Дальше канцелярия.

Шлихтер.

„Октябрьские дни“.

Как работал Владимир Ильич.

Мне, молодому члену партии, выпало огромное счастье в годы революции работать под непосредственным руководством Владимира Ильича: в 1917—18 г.г. в качестве секретаря Совнаркома, а с конца 1920 г.—в качестве управляющего делами Совнаркома. Исполняя десятки текущих поручений Владимира Ильича, я имел возможность близко, изо дня в день наблюдать его работу.

Одним из самых поразительных свойств многогранного гениального ума Владимира Ильича было умение пристально следить, не выходя из своего кабинета, за биением жизни не только в России, но и во всем мире. Он умел, по незаметным для другого глаза явлениям, верно и безошибочно схватывать и определять малейшие изменения взаимоотношений классовых сил. Достигал он этого путем огромного количества связей как с организациями, так и с отдельными лицами. Рядом простых вопросов он умел проверить серьезность данных своего собеседника, критически их проанализировать, быстро ухватить суть дела, выделить нужные факты, казавшиеся порой, на первый взгляд, незначительными и маловажными; по этим фактам он строил свои гениальные выводы и прогнозы. Вопросы Владимира Ильича иногда ставили втупик даже очень хорошо подготовленных собеседников. Товарищи не раз говорили, что после беседы с Владимиром Ильичем обнаруживали, что в сущности они совершенно не охватили предмета. Каждый приходивший и беседовавший с Владимиром Ильичем приобретал что-то новое и ценное, какие-то новые широкие горизонты, уверенность и твердую основу в своей работе.

Путем таких бесед и путем какой-то особенной, свойственной только ему одному интуиции Владимир Ильич впитывал в себя коллективную мысль и опыт масс, прорабатывал их в своем поразительном мозгу и претворял в великие лозунги, которые, как снопы света, освещали пути революции.

В работе Владимир Ильич был требователен до чрезвычайности, с поразительной настойчивостью добивался доведения до конца даже самых мелких дел, десятки раз проверял исполнение, лично созванивался по телефону, чтобы проверить, например, получение посланного им пакета, беспощадно преследовал всякую неаккуратность, небрежность, выводил на чистую воду, не уставал тысячи раз указывать на нашу специфическую русскую расхлябанность, неумение работать, беспорядочность, некультурность. Но Владимир Ильич умел это облекать в такую форму, что никогда никто не чувствовал себя обиженным, даже в тех случаях, когда на голову его Владимир Ильич призывал всякие кары, до ареста включительно.

Занимаясь важнейшими политическими вопросами, часто мирового масштаба, Владимир Ильич никогда не отрывался и от текущих дел, был чрезвычайно доступен и живо отзывался на сотни и тысячи сравнительно мелких вопросов. Это давало ему возможность быть всегда в курсе текущей жизни. Доведению до конца какого-нибудь мелкого дела практического характера Владимир Ильич придавал иногда большое значение, чем десятку постановлений СНК и СТО.

Н. Горбунов.

Из ближних лет.

...Дня через два после Октябрьского переворота в Смольном. У входа стоят две пушки, пулеметы... часовые с ружьями. Подымаюсь во второй этаж и в коридоре встречаю Ленина с двумя матросами и тремя рабочими. И у них у всех счастливые, счастливые лица.

Ленин бледен, черты его лица осунулись, но глаза мечут искры. Он то совещается о чем-то с товарищами, то улыбается им самой милой улыбкой самого счастливейшего из смертных. И его улыбка, как в зеркале, находит свое отражение на лицах матросов и рабочих. Это была маленькая группа из самых счастливых людей в мире. Она была как бы символом единения революционных масс со своим вождем, нарушить которое не смогла, не сможет и самая смерть родного всем нам Владимира Ильича.

П. Куделли.

Стало быть, революцию можно сделать без исходящего.

Захватив 24-го октября телеграф, телефон и почту, мы крепко держали в своих руках эти важные центры. Но орудовавшие в этих учреждениях эсэры и меньшевики, будучи бессильны нас вытолкнуть вооруженной силой (которой у них тогда в Ленинграде и не было, кроме юнкеров, пытавшихся захватить телефон), искали „законных“ оснований для удаления нас из министерства.

Числа 9 или 10 ноября несколько чинуш обратилось ко мне, как к члену коллегии и секретарю ее, с вопросом, имеем ли

мы полномочия на управление министерством. У меня и других членов коллегии, кроме мандатов Рев.-Воен. Комитета, других полномочий никаких не оказалось.

Я снесся с тов. Авиловым-Глебовым (тогда нарком почт и телеграфа) и другими товарищами. Составили документ.

Когда поднесли Владимиру Ильичу эту бумагу на подпись, он, прочитав и подписывая документ, закачал головой и заметил:

„Ну и грамота“.

Когда чиновники министерства снова поинтересовались насчет полномочий, я торжественно вынул из кармана подписанный Совнаркомом мандат и показал им. Чиновники, подробно рассмотрев документ, пошушукались, похихикали и заявили, что мандат недействителен: 1) бумага без исходящего номера и 2) на документе нет печати.

Убедившись, что это так, я не знал, что им ответить на такие „веские“ аргументы. Встретившись с Владимиром Ильичем в Смольном, я ему рассказал о случившемся. Он, взяв бумагу в руки и внимательно рассмотрев ее, рассмеялся, заметив:

„Они правы. Подобный официальный документ должен быть за печатью и исходящим номером. Ну, а в министерстве вы крепко сидите. Стало быть, революцию можно делать и без исходящего“.

Да, отсутствие исходящего номера, очевидно, не помешало победе рабочих и крестьян над капиталистами и помещиками.

Зеликман.

В ноябре 1917 года.

В ноябре 1917 года ночью я встретился с Владимиром Ильичем в Смольном, который жил тогда какой-то исключительной напряженно-кипучей, почти фантастической жизнью. Сюда сходились все нити небывалого еще в истории по широте и глубине социального движения. Отсюда бросались руководящие идеи и планы движения, захватывающего десятки миллионов трудящихся. По гулким коридорам Смольного двигался непрерывный поток рабочих, солдат, красноармейцев.

В разговоре с тов Лениным в эту ночь я задавал ему много вопросов, на которые он отвечал мне с поразительным спокойствием и терпением. В эту ночь я лишний раз убедился,

что он не только учил нас, как надо „терпеливо об'яснять" рабочим, но еще лучше сам делал это по отношению к нам.

В числе многих острых, злободневных вопросов разговор коснулся, между прочим, возможности соглашения с эсэрами и меньшевиками.

— Да ведь нам не о чем с ними разговаривать,—говорил Ленин. Ведь они ничего не могут предложить нам. Они сами не знают, чего они хотят. Разве Чернов знает, чего он хочет. Вот другое дело, если бы к нам пришли для переговоров Коновалов и Рябушинский. Эти люди серьезные, деловые. Они знают, чего добиваются. С ними есть о чем толковать. А эсэры, ведь, совершенно не серьезные, не деловые люди.

Ночная беседа оборвалась вызовом товарища Ленина для разговора по прямому проводу с Киевом.

С. Данилов.

Ильич в Смольном.

...Кабинет Ильича в Смольном представлял собой небольшую комнату, разделенную надвое деревянной перегородкой. Здесь Ильич принимал посетителей, здесь вначале происходили заседания Совнаркома.

Очень часто Ильич выходил из своего кабинета, чтобы заглянуть в комнаты разных „наркомов". Кабинет Троцкого находился в противоположном конце Смольного, и, чтобы попасть туда, Ильичу приходилось пройти весь длинный коридор.

Во время прохождения этого коридора часто его останавливали разные товарищи, имевшие к нему разные „дела". Ильич выслушивал их всегда с необычайным терпением.

Но в это время по коридору толкалось также много народа, не знавшего даже Ильича.

Последние, зачастую обыватели, попавшие в Смольный по своим личным делам, задавали ему разные вопросы в таком роде: „скажите, где здесь выдают разрешения на выезд?" или, „скажите, где принимают вещи для арестованных?" Во всех этих случаях Ильич старался давать самые точные ответы, между тем, когда с такими же распросами приставали к другим наркомам, те сердились.

Ильич очень заботливо относился ко всем работающим в Смольном товарищам. Однажды, когда я и тов. Сонюта (погибший на Западном фронте) работали в кабинете Сталина, находившемся по соседству с кабинетом Ильича, является к нам неожиданно Ильич и спрашивает: „А что, затопили у вас уже печку?“ Я был весьма удивлен этим вопросом. Оказалось, что нашу печку нужно было затапливать с маленького коридорчика, где находился лифт, ведущий в квартиру Ильича и т. Троцкого. Ключ от этого коридорчика Ильич прятал у себя в кармане. Когда приходилось затапливать печку, истопник должен был спрашивать у него ключ. В этот день Ильич собирался куда то на митинг и предлагал, если печка еще не затоплена, оставить ключ нам.

Если Ильич, в такой период „бури и натиска“, мог помнить о таких мелочах, это характеризует очень ярко всем известную особенность его гениального ума: помнить о мелочах.

С. Пестковский.

Разящий меч пролетариата.

Когда российскому рабочему классу нужно было найти, кому же вверить общее руководство политикой рабоче-крестьянского правительства, конечно, он должен был поручить ее Ленину, как человеку, который предуказал этот путь развития революции, который единственный в мире,—мы можем это сказать,—показывает нам гениальное соединение учения Маркса с революционным движением мирового пролетариата в новой обстановке, после краха империалистической войны, в эпоху начавшихся пролетарских революций.

...Наука знает, что каждый класс в каждый данный момент выдвигает людей, наиболее соответствующих общественному состоянию класса.

...История подготовила вождя, и таким вождем мировой эпохи, человеком, отразившим в себе вулканическое состояние мировой истории, и явился Владимир Ильич Ленин. Он явился воплощением пролетариата, который буржуазия вырвала из обычного существования, бросила в кипящий котел мировой истории, и который хочет выйти из этого котла победителем, а не рабом буржуазии. Он воплотил в себе надежду

всего пролетариата, потому что пролетариат верит в самого себя и верит, что еще один удар наступом, еще боевой напор, еще одно усилие, и идеи коммунистической партии станут идеями всего мирового пролетариата и осуществят на развалинах старого мира тот новый мир, в котором не будет войны, не будет эксплоататоров, в котором тысячелетние мечты о господстве самих трудящихся, наконец-то, найдут свое воплощение.

Вулканические поворотные моменты мировой истории требуют людей стальных, решительных, не боящихся остаться в одиночестве, не колеблющихся, знающих, что раз решение принято, то оно с железной дисциплиной должно быть осуществлено.

Таким и был наш вождь.

...Я не знаю другого человека, в котором чувство подлинной и действительной любви ко всем трудящимся и ко всякому трудящему человеку были заложены так глубоко и были так сильны, как во Владимире Ильиче Ленине. Разящий меч пролетариата и друг всех трудящихся,—вот тот человек, который призвал всех трудящихся к восстанию и против гнета капитала и создал первое в мире и в истории государство победившего рабочего класса.

...Все государственное искусство Ленина в том, что он знал, что масса, миллионы трудящихся сделают то, что надо, что у пролетарского государства нет иных интересов, кроме интересов этих миллионов; что они сделают в сотни раз лучше, чем самая революционная канцелярия, и что основная и исчерпывающая задача заключается в том, чтобы втянуть эту массу всю донизу, до дна в государственную работу.

На это глубокое доверие к коллективному разуму трудящихся опиралась та воля к победе, без которой В. И. Ульянов не стал бы *Лениным*, и без которой дело ленинизма не могло бы осуществиться.

Л. Каменев.

„Ленин и РКП".

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

IV. На переломе.

V. За правительственной работой.

VI. Среди товарищей.

ЦЕНА 35 КОП.

СКЛАД ИЗДАНИИ:

Харьков, ул. Свободной Академии 5. Тел. 10—07.

Москва, Петровские линии 1/20. Тел. 3—01—99.

